

© Т.Б. Щепанская

(Не) уезжая на зиму: холод как опыт и фактор социальных взаимодействий в условиях сезонных миграций (по этнографическим наблюдениям в Новгородской области)

Ключевые слова: холод, зима, деревня, сельский, зимующие жители, социальная интеграция, взаимопомощь, скука

Статья написана по материалам включенного наблюдения автора во время зимовки в деревне в Новгородской области. Рассматривается влияние холода на систему социальных взаимодействий и структуры деревенского сообщества. В качестве основной черты социальной структуры сельчане подчеркивают разграничение между двумя категориями жителей: зимующими в деревне и уезжающими на зиму («дачниками»), т.е. выносят на первый план структуру, производную от сезонной миграции. В статье описываются практики адаптации к холоду (обеспечение тепла в жилище, мобильности, формирования и обеспечения сохранности запасов продуктов и др.) с точки зрения того, как в ходе их складываются системы социальных взаимодействий, обуславливающие интеграцию зимних жителей. По существу, речь идет о зависимости степени интеграции в деревенское сообщество от опыта совместного переживания холодного сезона и конкретно — опыта холода.

Эта статья — о том, как холод может быть фактором, организующим порядок социальных взаимодействий и миграционное поведение, служа основанием или обоснованием значимых аспектов социальной структуры современной русской деревни.

В основе статьи лежат размышления, разговоры и наблюдения во время моего периодического (в 2011–2023 гг.) проживания в малонаселенной деревне на востоке Новгородской области, где удавалось пожить от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от графика отпусков, выходных, нерабочих и праздничных дней. Объявление в 2020–2021 гг. нерабочих дней и временный переход на удаленную работу застали меня во время одного из таких визитов, и возникла возможность провести с небольшими перерывами

Щепанская Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. e-mail: poehaly@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-1545-9282>

Для цитирования: Щепанская Т.Б. (Не)уезжая на зиму: холод как опыт и фактор социальных взаимодействий в условиях сезонных миграций (по этнографическим наблюдениям в Новгородской области) // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 1. С. 79-90, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/79-90>

вами две зимовки, что резко изменило мои отношения с соседями по деревне и вообще место в системе взаимодействий.

Сезонные миграции и производная структура

Зимовка в деревне или отъезд из нее на зиму — важнейший дифференцирующий признак, по которому определяют место в социальной структуре сельского сообщества. Первое, о чем тебя спрашивают, начиная общение (водитель или попутчик в такси, продавец в магазине или сосед, с которым ты заговариваешь, ожидая автобус) — «Вы дачница (у Вас здесь дача)?», а когда ты затрудняешься или отвечаешь невразумительно, уточняют: «Вы здесь живете зимой?» Те, кто уезжают на зиму — «дачники». А оппозиция этому статусу — не «местные» или «коренные», а «зимующие». Именно эта оппозиция — основная для сельских жителей в их восприятии социальной структуры; им важно в первую очередь определить, «дачник» вы или «и зимой здесь живете», т. е. понять ваше место в структуре, производной от сезонной миграции. Ключевым для идентификации собеседника, попутчика, соседа оказывается опыт зимнего проживания — как, вероятно, основной разделяемый опыт, формирующий коллективную идентичность. Этот опыт сопрягается как с идентичностью локальной (зимние как постоянные, а значит, местные жители), так и с сельскостью — «дачники», уезжающие на зиму, по умолчанию «городские».

Чем же зимовка в деревне в такой степени отличает человека от ее сезонных жителей, что это перевешивает прочие социальные маркеры: и образование, и обеспеченность, и даже статус местного уроженца? Все это тоже важно, но выясняют уже потом. Очевидное предположение — это опыт холода. Ведь «дачники» уезжают в теплые городские квартиры как раз тогда, когда начинает холодать и надо на постоянной основе протапливать жилище. И еще один маркер: городской житель, как говорят здесь, «не привык жить без теплого сортира». Так может ли опыт холода быть важным фактором, определяющим социальную структуру?

Холоден ли Северо-Запад? Якутский и русский холод

Насколько можно говорить об опыте холода применительно к российскому Северо-Западу (куда относится Новгородская область)? На моей памяти зимние температуры здесь опускались до 30–35°C, и такие морозы длились не более недели, а были и зимы, когда в самые морозные дни было лишь до –20–25°C. Следует признать, что зимы здесь довольно мягкие, сравнительно с полярными или восточносибирскими регионами с их вечной мерзлотой, длительной зимой и морозами в –50, –60°C и ниже. Ожидаемо, что опыт и культурные конструкции холода стали предметом углубленного исследования антропологов, чьи интересы сформировались в регионах Крайнего Севера и Сибири. Особо следует отметить сложившуюся в Республике Саха (Якутия) междисциплинарную школу на базе Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики под руководством Д.Н. Замятина и Е.Н. Романовой (см.: Геокультуры Арктики 2018), предложившую методологическую рамку антропологии холодного мира как изучения образа жизни, адаптивных систем, мифологических представлений, искусства человеческих сообществ, объединенных и в значительной степени сформированных опытом переживания,

освоения, использования холода (Романова, Замятин 2017). В этой парадигме холод рассматривается не только в привычном контексте трудностей и испытаний, но и как ресурс — позитивный фактор, способствующий развитию повседневных практик, способов жизнеобеспечения (Сулейманов 2022), образности, мирозерцания, мифологических представлений (Романова, Добжанская 2019), формирующих художественную образность в системе этнического самосознания якутов — жителей холодного мира (Романова 2023).

Идеи о конструирующей роли холода оказались весьма полезны и для понимания традиций русских сельских жителей Северо-Запада Европейской части нашей страны, казалось бы, весьма далекой от Якутии в географическом отношении. Тем не менее, Россия как во внешних представлениях, так и в самосознании ее жителей выступает во многих отношениях как северная страна, концепцию ее северности в историко-культурном, антропологическом плане, в фольклоре и поэзии развивает известный российский антрополог и автор этнографических фильмов А.В. Головнев (Головнев 2022). Холод, хотя и далекий от экстремальных якутских величин, тем не менее, является значимым фактором в русской, особенно севернорусской, культуре — он служит обоснованием многих из повседневных практик, начиная от приемов строительства и утепления жилищ и заканчивая особенностями праздничной культуры. Вспомним, например, зимние гуляния с прерыванием холода: периодическим переплясом и заходом в дома, где приготовлено все, чтобы согреться. Восприятие холода как конструктивного и конструирующего фактора согласуется с приведенной выше концепцией антропологии холодного мира, то есть мира, создаваемого и формируемого холодом. Авторы углубленно исследовали влияние его в системах жизнеобеспечения, образности, мифологических представлений и самосознания. В центре же нашего внимания — роль холода как фактора формирования социальных отношений, которые я рассматриваю этнографически — в максимальном приближении, на примере небольшой занесенной снегом деревни в тихом уголке Новгородской области. Таковую степень приближения обеспечивает включенное наблюдение, когда наблюдатель деревенского сообщества — одновременно и участник формирующих его взаимодействий.

В ожидании холодов: запасы тепла

Приближение холодов разделяет траектории зимующих и уезжающих. Когда становится некомфортно жить без отопления, жители оказываются перед выбором: уезжать в благоустроенное («городское», даже если оно находится в сельском поселении, но подключено к центральному отоплению) жилье, оставляя деревенское и тем самым придавая ему статус дачи — или актуализировать качества деревенского дома как «зимнего» (в объявлениях о продаже порой пишут: «продаю зимний дом»), т.е., как минимум, начинать отапливать его. Это происходит задолго до наступления морозов, как правило, когда уже убран урожай, а сад и огород подготовлены к зимовке; в наших местах — в конце октября. В это время уезжают «дачники», и в сельской местности — не только в деревне, но и в районе — становится безлюдно. Заканчиваются сельскохозяйственные работы, в том числе те, которые выполнялись как услуги дачникам (строительные, покос травы, помощь по хозяйству, перевозки и др.) — уезжают и сезонные рабочие.

Те, кто остаются на зиму, занимаются утеплением дома, проверкой, прочисткой (если это не сделано весной) и ремонтом печей. Закупают и укладывают в сухое место дрова (у хороших хозяев они запасены заранее и уже просушены, а осенью заготавливают уже на следующий год; тогда же, соответственно, появляется ясность относительно планов на следующую зиму). Все это актуализирует целый ряд структур — социальных связей и институтов. Заготовка дров производится либо через сельскую администрацию, либо закупкой у сельских предпринимателей, либо в рамках соседской взаимопомощи. Прочистка печей — своими силами или с помощью соседа, имеющего опыт ремонта печей, либо услуг печника, работающего на платной основе (он дает объявления в группе местного сообщества в социальных сетях и в районной газете). Таким образом, уже на этапе предвосхищения холодов актуализируются и получают подкрепление структуры соседской взаимопомощи, местной системы обмена информацией, локального рынка и административных услуг. Вступая с ними во взаимодействие, зимний житель при посредстве соответствующих институтов интегрируется в локальное сообщество.

Соответственно, остающийся зимовать вступает во взаимодействие с этими институтами. В случае непредвиденных ситуаций, когда кто-нибудь остается без доступа к дровам, его/ее не оставляют один на один с морозом: вступают в силу обычаи взаимопомощи. После обильных снегопадов у меня рухнула крыша пристройки, где были сложены дрова. Тут же подъехал сосед и привез дрова из своих запасов, таким образом обнаружив невидимые в обычных условиях системы взаимопомощи, в которые я, как оказалось в результате зимовки, по умолчанию включена. Точно так же в случае, если кто-то на автомобиле застрянет в сугробе, односельчанин на внедорожнике его вытягивает. Именно зима, а точнее, холод, создает императивную необходимость оказать помощь — и тем самым включиться в систему взаимных обязательств, поскольку неоказание помощи создает реальную перспективу замерзнуть — что может быть равносильным гибели (в основе — включение холода в мифологию смерти). Соответственно, холод здесь проявляет себя как значимый фактор интеграции.

Коммуникации «дачников» перед отъездом строятся иначе. Разберем в качестве примера их вовлечение в систему соседской взаимопомощи, обратив внимание также на фактор холода. Закрывая на зиму дом, дачник теряет некоторые его функции, например, как место хранения собранного на участке урожая. Картофель и корнеплоды, домашние заготовки сельские жители хранят в подвале, где (при условии, что дом отапливается) поддерживается постоянная температура — выше точки замерзания воды. В неотапливаемом доме корнеплоды замерзнут. Поэтому часть урожая дачник забирает с собой, а часть, предназначенную для потребления в деревне или на посадку, оставляет на хранение тем, кто живет круглогодично. Со своей стороны он обычно стремится оказать и ответную услугу — сделать что-нибудь, связанное с пребыванием в городе (купить, привезти, передать, узнать). На хранение дачники оставляют нередко и разные инструменты, и технику для обработки земли; остающиеся получают возможность этой техникой пользоваться, что также служит своеобразной формой благодарности со стороны сезонных жителей.

Формируется реципрокная система взаимопомощи — взаимообмен ресурсами, что поддерживает социальную структуру, объединяющую соседей, в том числе и за счет разницы их ресурсов освоения холода.

Холод и мобильность

Ряд особенностей, определяющих зимний порядок взаимодействий, возникает в связи с ограничениями мобильности, которые накладывает зима. В крестьянской жизни, как мы ее знаем по этнографическим наблюдениям XIX — начала XX вв., холод был скорее фактором, способствовавшим мобильности и, в частности, транспортной доступности: в некоторые места — лесные селения, дальние скиты и монастыри — можно было добраться исключительно по зимнику, когда, скованные морозами, встанут реки и затвердеют хляби болот (ср. о зимниках в Якутии: *Куклина, Осипова* 2018).

Житель современной деревни оказывается в другой ситуации. Для пеших перемещений пространство становится доступнее в краткие периоды межсезонья, в частности, поздней осенью, в предзимье, когда высокая трава полегла, ночные заморозки прихватили землю, размытую осенней распутицей, а снег еще не лег или неглубок. Но как только формируется устойчивый снежный покров, перемещение — ни пешком, ни на транспорте — становится невозможным без расчистки дорог.

Расчистка снега в пределах и в непосредственной близости от своего участка становится практически ежедневной практикой зимних жителей, приобретая в каком-то смысле этический характер: если живешь в деревне зимой, а дорожки около дома не прочищены, то должно быть стыдно. Подобная же этическая обязанность распространяется и на местные управленческие структуры.

В пределах деревни или улицы актуализируются системы соседской взаимопомощи. В некоторых деревнях жители обзаводятся средствами расчистки дорог — например, насадками на автомобили; расчищая проезды к своему дому и домам соседей, они поддерживают обычаи взаимопомощи — неформальную систему взаимных обязательств, в которую вовлекаются и получатели помощи, испытывающие к прочистившему понятную благодарность.

В отсутствие же такой возможности или вне деревни ответственной за расчистку дорог считается администрация сельского поселения и муниципального образования. В зимний период в местной группе в социальной сети «ВКонтакте» посты с просьбами, требованиями, претензиями по поводу расчистки дорог набирали наибольшее число комментариев. Ссылки руководства на отсутствие техники и контракты со внешними организациями очевидно не встречали понимания. Жители демонстрировали уверенность в том, что этим обязана заниматься администрация, и высказывания бывали весьма эмоциональны. «Какая власть, такие и дороги» — это выражение актуально не только по отношению к ямам, но и к зимнему бездорожью.

Снегопады бывают столь обильными, что дороги быстро прочистить невозможно, и жители время от времени оказываются запертыми не только в деревне, но и в доме. С такими ситуациями связывают строительные приемы —

высокое крыльцо, когда дверь в основное строение расположено на высоте около метра от земли, где ее не заметет снег; уличные двери, открывающиеся внутрь (впрочем, сейчас это правило выполняется не всегда). Я была свидетелем, как с началом снегопадов и на всю зиму некоторые жители деревень (особенно старшего поколения) ставят на прикол велосипеды и готовятся «сидеть» в своей деревне всю зиму. Этим объясняют и традицию делать запасы продуктов — в подпольях мешками запасают муку, картошку и сахар, несмотря на то, что в большинство деревень приезжает автолавка. В холодных сених стоит бочка с *крошевом* — порубленными и замороженными зелеными листьями капусты, из которого варят *серые щи*. В XIX в. морозили на зиму (и для вывоза на продажу) рыбу, яблоки; молоко и щи замораживали прямо в тарелках. «Замороженные щи в дороге хороши», — приводит фразу В.И. Даль (*Даль* 1881, т. 2: 355). Я не видела замороженных щей, но помню замороженное молоко в форме тарелок — его стопкою складывали сельские жители на прилавке базарчика в небольшом поселке Амурской области (1965–1967 гг.). При хранении этих запасов рассчитывают на холод, для чего оставляют неотапливаемые помещения. Деревянный шкаф в неотапливаемых сених так и называется — «холодильник». Удаленность от систем отопления, прежде всего печки, определяет градации холода в соответствии с условиями сохранности того или иного продукта. В подполье отапливаемого помещения температура всю зиму должна быть положительная (+5–10 градусов), благодаря чему в нем не замерзает картошка, хранятся овощи и домашние заготовки. В неотапливаемом же помещении, в том числе в подвале, температура может сравняться с уличной. На этом основана упомянутая выше система взаимодействий между уезжающими («дачниками») и остающимися на зиму жителями.

Возвращаясь к расчистке дороги как фактору мобильности, отметим, что прочищают подъезды к тем домам, где люди зимуют. К домам сезонных жителей чистить проезд не принято. Когда глава сельского поселения узнала, что я приезжаю в деревню зимой, она попросила звонить ей перед приездом, чтобы расчистили дорогу (это не всегда возможно, если ее не чистить с начала зимы). Когда выяснилось, что я зимую, то дорогу к дому прочищали всякий раз, когда трактор заезжал в деревню, да и сосед, прочищая снег около своего дома, заезжал и ко мне. Это одно из обстоятельств, побуждающих ставить в известность относительно своего статуса в системе сезонных миграций — зимующего или сезонного «дачника». Таким образом этот аспект социальной структуры становится артикулированным и публичным.

Скука как институт вовлечения

Как только устанавливаются низкие температуры, ограничивая комфорт поездок и прогулок, общение все более тяготеет к теплым пространствам изб. Одновременно в разговорах поднимается вопрос скуки: «Вам не скучно?» — встретив на улице, обращается ко мне женщина, живущая в противоположном конце деревни. В этом вопросе — предложение присоединиться к посиделкам, на которые приходят поговорить и попить чаю несколько подруг из соседних деревень. Позже я встретила одну из них по пути в нашу деревню: «Вы не скучаете? На огороде дел нет, можно сходить в гости», — обратилась она ко мне. Скука, а следовательно, нужда в общении, подается как норма зимней жизни в деревне. И — основа для консолидации зимних жителей.

Так же собирала у себя подруг ныне уже покойная мама моей односельчанки. Зимой женщины вместе чаевничали, а летом на базе этих собраний складывалась группа взаимопомощи — вместе сажали и копали картошку, а потом это в складчину отмечали застольем и песнями. Зимняя «скука» способствовала формированию группы соседской кооперации.

«Скука» как характеристика деревенской зимовки, по-видимому, отвечает сложившимся представлениям, так что вопрос «Вам не скучно?» подразумевается риторическим. Ответ заранее очевиден. Уже упоминавшийся автор статьи о зимовке в деревне так описывает свои первые впечатления: «Абсолютная тишина. Отсутствие людей. Можно пройти всю деревню и не встретить ни одного человека» (Чернов 2018).

Здесь я описываю совсем маленькую деревню. Более многочисленные поселения вовлекались в круг совместных посиделок через праздничную культуру, которая также зимой попадала под влияние холода. В зимние праздники гуляли, собираясь группами, — но мороз определял, как долго можно было находиться на улице. Поэтому гулянка проходила в режиме мобильности: шли от дома к дому, а там согревались (угощением, плясками, молодежь — играми). Иногда для празднований снимали общий дом. Суть оставалось той же: совместные угощения и веселье подготавливали структуры взаимопомощи и кооперации, которые реализуются позже (летом) в хозяйственных практиках. Как и в соседних регионах российского Северо-Запада, во время проходки от дома к дому гуляющие согревались плясками под гармошку — «проходные» наигрыши. Инструмент на севере делали специально под холод: так, в Вологодском регионе популярна кирилловская гармонь, планки и некоторые другие части которой старались делать из меди. Гармонисты говорят, что гармонь с медными планками на морозе играет звонче.

Коты на морозе

Одним из маркеров, отмечающих основную линию дифференциации (сезонные vs зимние жители), служит отношение к домашним животным. В появлении бродячих собак и котов, с наступлением холодов пытающихся прибиться к дому, жители единодушно обвиняют «дачников» (считается, что те бросают животных). Вообще характерно одобрителное отношение к заботе о бродячих животных: их подкармливают, вынося пищевые отходы, а в сильные морозы пускают в дома, в основном в нежилые помещения. Во многих домах сделаны ходы для котов, которые могут по ним попасть на чердак и греться там на борове (горизонтальной части) кирпичной печной трубы. Это не рассматривается как этическая обязанность, но одобряется общественным мнением. Подкармливая зимой и пуская обогреться пришедшее в деревню животное, человек повышает свой статус по шкале общественного одобрения, которая, как видно, тесно связана с объединяющей зимних жителей мыслью — дожить до весны. Складываются и коллективные системы заботы. Так, в нашей деревне бродячий кот ночует и кормится в трех домах, жители обрабатывают ему раны после драк с другими животными и даже возят к ветеринарам на вакцинацию. Вокруг этого выстраиваются системы коммуникации — тема кота становится общей темой разговоров при встрече, а весной еще и поводом для радости: «Выжил! Пережил зиму!»

Возможно, что структуры коллективной заботы консолидируют жителей как общее эмоционально значимое дело — и как демонстрация готовности участия в помощи по отношению к людям, своеобразная проекция (см. об этой функции животных: *Щепанская 2019*).

Мороз и материализованное время

Зима еще не дошла до середины, а в разговорах все более возникает тема: «Когда же она закончится?» Ближе к весне она доминирует в мимолетных разговорах, которыми мы перекидываемся при встрече с соседями, с продавцом в магазине, с шофером в местном такси. «Когда же закончится зима?» — произносится уже регулярно, как приветствие, и неизменно подхватывается собеседником: «Хоть бы скорее, как она надоела!» — как подтверждение, что все мы ждем ее окончания, что мы все от нее устали — это и есть общее переживание зимних жителей: тот самый разделяемый нами опыт, основа «зимней» идентичности.

Этот главный вопрос непосредственно связан с переживанием времени зимы, находящим подтверждение в материальном мире — за счет тех изменений, которые производит в нем холод. Под влиянием холода растут отходы, содержащие жидкую фракцию: к концу зимы в неотопливаемом туалете вырастает целая башня (поэтому туалеты в севернорусских домах устраивают на уровне второго этажа). Автор статьи о зимовке в деревне отметил, что у него за три месяца морозов образовался почти двухметровый «сталагмит» под трубой выхлопа газового котла» (*Чернов 2018*). Подобные образования становятся своеобразной материализацией времени холодов.

С другой стороны, зримо уменьшается количество дров: высота поленниц, заполненность дровников. Все ближе дно в бочке с мороженным крошевом. И величина дровника, и наполненность бочки определяется тем, на сколько месяцев их нужно заготовить — т. е. оцениваемой заранее длительностью зимы. Этим же определяется и количество картофеля: сколько мешков его нужно заготовить на зиму. Таким образом, оценка длительности зимы определяет, и сколько соток нужно распахать весной под картошку и овощи, сколько деревьев срубить на дрова (существуют нормативы выделения дров местным жителям) — летние трудовые усилия соразмерены с длительностью холодов как проекция зимнего времени в усилия человеческого тела. Это особое знание, формирующееся по результатам зимы. Оно практической направленности: зимой обнаружилось, откуда в доме дует — и намечается план ремонта; дымит ли печь — приглашают печника прочистить ее и отремонтировать; хватило ли картошки — и закладываются новые сотки под нее, если не хватило. Это, конечно, далеко не все, что становится ясно за время холодов. Холод становится источником знания, которое формирует планы работ на теплый сезон. Это знание доступно зимним жителям и активно обсуждается ими — но проходит мимо сезонных, приезжающих по окончанию холодов, и таким образом проводит еще одну линию разграничения между двумя этими категориями.

Заключение

Мы рассмотрели только некоторые, наиболее постоянные и значимые практики, связанные с проживанием в деревне в холодный сезон. Вокруг них выстраиваются взаимодействия, способствующие интеграции зимующих жителей в сообщество, а также в связанные с ними социальные структуры — при посредстве институтов соседской взаимопомощи, коллективной заботы о животных, муниципального управления и сельского бизнеса. Ту же интегрирующую роль выполняют и формирующиеся общие знания, эмоциональные привязанности, переживания «скуки» и ее купирования в ходе совместных чаепитий и просто разговоров. Все это — общий опыт, отличающий зимующих от сезонных — а тем самым дифференцирующий степень их интеграции в структуры взаимодействий.

Особая ценность зимних форм помощи, коммуникации и знаний подкрепляется общим представлением о холоде как факторе, угрожающем самой жизни людей и животных. В Интернете на сайтах, посвященных деревне, можно найти немало материалов, где зима в деревне, особенно первая, характеризуется как «испытание» и даже «выживание» (*Герасименко 2013*). Отсюда императивный характер зимних обычаев: человеку или животному следует помочь вне зависимости даже от отношения к нему конкретно — понимая, что отсутствие помощи может означать гибель. Этим обусловлена значительно большая степень интегрирующих усилий по отношению к соседу зимой, чем в теплое время года, и, соответственно, восприятие со-зимовавшего в большей степени как «своего». Для тех, кто постоянно зимует в сельской местности, это уже не тяжелое выживание, а жизнь — блаженное время, когда можно отдохнуть у горячей печи от работ на земле, покрытой слоем снега, порой более метра.

Источники и литература

- Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования / под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Канон+, 2017.
- Герасименко М.* Как выжить без электричества в занесенной снегом деревне. 2.12.2013 // 7dach.ru. [Электронный ресурс]. <https://7dach.ru/MarinaGerasimenko/6-dney-v-derevne-bez-elektrichestva-praktika-vyzhivaniya-3646.html>
- Головнев А. В.* Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. И–О.
- Куклина В. В., Осипова М. Е.* Роль зимников в обеспечении транспортной доступности арктических и субарктических районов Республики Саха (Якутии) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 107–112.
- Романова Е. Н., Замятин Д. Н.* Холодный мир — два измерения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования / под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Канон+, 2017. С. 6–12.
- Романова Е. Н., Добжанская О. Э.* Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
- Романова Е. Н.* «Ландшафтное» кино: топосы якутской визуальности // Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / под общ. ред. Е.Н. Романовой, Н.К. Даниловой. Новосибирск: Наука, 2023. С. 276–292.
- Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX–XX в. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л.И. Винокурова. Новосибирск: Наука, 2022.
- Чернов В.* Первая зима в деревне. Впечатления семьи, переехавшей из города в деревню на ПМЖ (2018) // Проверил на себе: сайт особых мнений о товарах, услугах, интересных местах и идеях. [Электронный ресурс]. <https://proverilnasebe.com/exp/tovill/village/288-first-winter.html> (accessed 14.04.2024).
- Щепанская Т. Б.* Люди и звери: животные в практиках и нарративах новгородской деревни начала XXI в. // Вещи. Экспедиции. Музеи. К 100-летию со дня рождения Т.В. Станюкович (1916–1992). / сост, отв. ред.: Н.П. Копанева, Л.С. Лаврентьева, М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 94–108.

Research article

Shchepanskaia T. B. (Not)leaving for the winter: cold as an experience and a factor in social interactions in the framework of seasonal migrations (according to ethnographic observations in the Novgorod region) [(Ne)uezzaia na zimu: kholod kak opyt i faktor social'nykh vzaimodeistvii v usloviakh sezonnykh migratsii (po etnograficheskim nabludeniiam v Novgorodskoi oblasti)]. *Anthropologies*, 2024, no 1, pp. 79-90, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/79-90>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Shchepanskaia T. B. | poehaly@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-1545-9282> | Centre for European Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Leading Research Fellow

Abstract

The article is based on the author's participant observation during wintering in a small village in the Novgorod region (Russia). The influence of cold on the system of social interactions and the structure of the village community is considered. As the main feature of the social structure, villagers emphasize the distinction between two categories of residents: those who spend the winter in the village and those who leave for the winter («dacha residents»), i.e. bring to the fore the structure derived from seasonal migration. The article describes the practices of adaptation to the cold (providing warmth in the home, mobility, formation and preservation of food supplies, etc.) from the point of view of how they form the systems of social interactions, which determine the integration of winter residents. Essentially, we are talking about the dependence of the degree of integration into a village community on the jointly experiencing the cold season and, specifically, the experience of cold.

Keywords: cold, winter, village, rural, wintering residents, social integration, mutual assistance, boredom

References

- Chernov, V. 2018. *Pervaia zima v derevne. Vpechatleniia sem'i, pereekhavshei iz goroda v derevniu na PMZh* [The first winter in the village. Impressions of a family who moved from the city to the countryside for permanent residence]. URL: <https://proverilnasebe.com/exp/tovill/village/288-first-winter.html> (data obrashcheniya 14.04.2024).
- Dal', V.I. 1881. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language], 2, I–O. SPb.; M.
- Gerasimenko, M. 2013. *Kak vyzhit' bez elektrichestva v zanesennoi snegom derevne* [How to survive without electricity in a snow-covered village]. 2.12.2013 // 7dach.ru. URL: <https://7dach.ru/MarinaGerasimenko/6-dney-v-derevne-bez-elektrichestva-praktika-vyzhvaniya-3646.html>
- Golovnev, A.V. 2022. *Severnost' Rossii* [The North of Russia]. SPb.: MAE RAN.

- Kuklina, V.V., Osipova, M.E. 2018. Rol' zimnikov v obespechenii transportnoi dostupnosti arkticheskikh i subarkticheskikh raionov Respubliki Sakha (Iakutii) [The role of winter roads in ensuring transport accessibility of the Arctic and subarctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2: 107–112.
- Romanova, E.N. 2023. «Landshaftnoe» kino: toposy yakutskoi vizual'nosti [«Landscape» cinema: toposes of the Yakut visual]. *Landshaft i kul'tura narodov Iakutii: sakralizatsiia, simvolicheskie strategii, geokul'turnye obrazy*, ed. by E.N. Romanova, N.K. Danilova. Novosibirsk: 276–292.
- Romanova, E.N., Dobzhanskaia, O.E. 2019. Antropologiya holoda: metodologiya, koncepty, obrazy (na primere kul'turnykh traditsii korennykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of cold: methodology, concepts, images (using the example of the cultural traditions of the indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta, Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 35: 255–263.
- Romanova, E.N., Zamiatin, D.N. 2017. Holodnyi mir — dva izmereniia [Cold World — two dimensions]. *Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniia*. M.: Kanon+: 6–12.
- Shchepanskaia, T.B. 2019. Liudi i zveri: zhivotnye v praktikakh i narrativakh novgorodskoi derevni nachala XXI v. [People and animals: animals in the practices and narratives of the Novgorod village of the beginning of the 21 century]. *Veshchi. Ekspeditsii. Muzei. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia T.V. Staniukovich (1916–1992)*, eds. N.P. Kopaneva, L.S. Lavrent'eva, M.V. Staniukovich. SPb.: MAE RAN: 94–108.
- Suleimanov, A.A. 2022. «Resursy holoda» v sisteme zhizneobespecheniia sel'skikh soobshchestv Iakutii. Vtoraia polovina XIX–XX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk [«Cold resources» in the life support system of rural communities of Yakutia. The second half of the 19–20 century. Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk.
- Zamiatin D. N., Romanova, E.N. (eds.). 2017. *Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniia* [Arctic: methodology of analysis and applied research]. M.: Kanon+.

